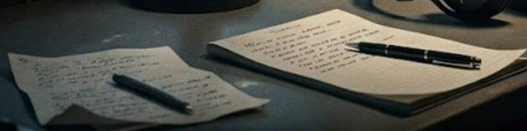


ЭФИР ОБРЫВАЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ

ДЕТЕКТИВ НА ВЕЧЕР



ЕЛЕНА КОПС



Елена Копс

Эфир обрывается в полночь

<https://litres.ru/74122833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для звукорежиссера Веры Поляковой мир звучит иначе, чем для всех остальных. У нее редкий дар — аудио-синестезия. Вера «видит» голоса людей как цвета и текстуры. Желчный баритон скандальной радиозвезды Романа Звягинцева всегда казался ей токсично-желтым. Но однажды ночью прямо во время эфира его голос обрывается навсегда. Звягинцев отравлен, дверь в студию была заблокирована, а единственный человек, который приносил ему чай перед смертью — скромная и незаметная Вера.

Полиция уже готова закрыть дело, отправив «серую мышь» за решетку, но неожиданно на ее защиту встает Максим Воронцов — жесткий, прагматичный антикризисный директор радиостанции. Вдвоем им предстоит погрузиться в змеиный клубок корпоративных интриг, застарелой ненависти и шантажа.

У Веры есть только ее уникальный слух, чтобы отличить правду от фальши, а у Максима — готовность пойти на всё ради девушки, в которой он разглядел настоящую смелость. Смогут ли они найти убийцу до того, как эфир оборвется для них самих?

Содержание

Эфир обрывается в полночь	4
1	4
2	9
3	14
4	20
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Копс

Эфир обрывается в полночь

Эфир обрывается в полночь

1

Для Веры Поляковой мир никогда не был просто шумным или тихим. Он был цветным.

Когда по утрам за окном ее съемной однушки в Медведково сигналил мусоровоз, это был густой, шершавый бордовый звук. Когда смеялась ее подруга Ленка с ресепшена, по комнате рассыпались серебристые стеклянные шарики. А вот голос Романа Звягинцева, главной звезды радиостанции «Голос Мегаполиса», был цвета старой, больной желчи.

Вера сидела в полумраке аппаратной, привычно ссутулившись над огромным микшерным пультом. За толстым, пуленепробиваемым (как шутили в редакции) стеклом студии Звягинцев вещал в микрофон.

— Вы не понимаете элементарных вещей! — бархатисто, но с отчетливой ядовитой ноткой вещал Роман, распекая до-

звонившегося слушателя. — Ваша жена ушла от вас не потому, что мир жесток, а потому, что вы, простите, неудачник. Следующий звонок!

Светящиеся индикаторы на пульте Веры прыгнули в красную зону. Она поморщилась и мягко двинула фейдер вниз, убавляя звук. От голоса Романа у нее всегда начинала ныть переносица.

Стрелка электронных часов над дверью показывала 23:45. До конца эфира «Ночной прожарки» оставалось пятнадцать минут, после чего Вера планировала надеть свой безразмерный серый кардиган, спуститься в метро и раствориться в московской ночи. Она любила быть невидимкой. В свои двадцать девять лет она виртуозно овладела искусством сливаться с обоями.

Дверь в аппаратную бесшумно открылась. Вера не обернулась — она лишь краем глаза заметила высокую тень.

— Почему он так орет? — раздался за спиной низкий, уставший мужской голос. Звук был темно-синим, как вечернее небо, и пах свежесваренным эспрессо. Вера удивленно моргнула. Хороший голос. Надежный.

Она повернулась на крутящемся стуле. В дверях стоял Максим Воронцов. Новый антикризисный директор, которого прислали из холдинга неделю назад, чтобы «оптимизировать расходы и поднять рейтинги со дна». Вера видела его пару раз на планерках, где он молчал, пугая всех своим ледяным спокойствием и идеально скроенным пиджаком, ко-

торый сейчас был небрежно переброшен через плечо.

— Это его фишка, Максим Андреевич, — тихо ответила Вера, поправляя съехавшие на нос очки в тонкой оправе. — Аудитория любит, когда их унижают за их же счет.

Воронцов потер переносицу жестким жестом человека, который не спал минимум трое суток. — Аудитория любит драму, Вера, а не истерику. Через две минуты рекламный блок. Звягинцев просил свой чай.

Вера тихо вздохнула. Это была еще одна негласная обязанность — носить «звезде» его особенный травяной сбор. — Я отнесу.

В студию вела тяжелая звукоизоляционная дверь, открывающаяся только по магнитной карточке. Звягинцев панически боялся, что к нему в прямой эфир прорвется какой-нибудь городской сумасшедший, поэтому во время трансляции электронный замок блокировался намертво. Карточки были только у самого Романа и у Веры.

Вера взяла с тумбочки остывающий термокружку с противным запахом чабреца и солодки, приложила пропуск к считывателю. Замок пискнул зеленой лампочкой.

Звягинцев, развалившись в кресле, махнул ей рукой, не отрываясь от смартфона. Он даже не посмотрел на нее. Для него звукорежиссер Полякова была элементом мебели.

— Реклама, Роман, — тихо сказала она, ставя кружку на стол. — Три минуты.

— Иди, иди, мышь, — отмахнулся он, отхлебывая из

кружки.

Вера привычно проглотила обиду, вышла из студии и услышала щелчок замка. Дверь снова заблокировалась.

Она вернулась за пульт. Воронцов всё ещё стоял в аппаратной, глядя сквозь стекло на Звягинцева. — Пятнадцать секунд до выхода в эфир, — сказала Вера, выводя джингл.

Звягинцев по ту сторону стекла поправил гарнитуру. Красная лампочка «ON AIR» загорелась.

— Ну что ж, страдальцы неспящей столицы, мы возвращаемся, — желчно произнес Роман в микрофон. Желтый звук его голоса внезапно дрогнул. Стал грязным, рваным.

Вера нахмурилась. Звягинцев схватился за горло. Его глаза расширились от ужаса, он попытался вдохнуть, но из динамиков вырвался только жуткий, скрежещущий хрип. Мужчина завалился на бок, смахнув со стола микрофон и термокружку, которая с глухим стуком покатилась по ковровину.

В аппаратной повисла мертвая тишина, разорванная лишь фоновым битом, который Вера забыла выключить.

— Открой дверь! — рявкнул Воронцов, мгновенно бросаясь к стеклу. Темно-синий цвет его голоса стал острым, как стальное лезвие.

Вера дрожащими руками прижала карточку к замку. Дверь распахнулась. Максим бросился к ведущему, перевернул его на спину и попытался нащупать пульс. Звягинцев уже не дышал. Лицо скандальной звезды радиоэфира приобрело

жуткий синюшный оттенок.

Воронцов медленно поднял глаза на Веру. Она застыла в дверях, бледная, как лист бумаги, прижимая к груди блокнот со сценарным планом.

— Вера, — голос Максима был пугающе спокойным. — Вызови скорую и полицию. И ни к чему здесь не прикасайся. Особенно к этой кружке.

Вера перевела взгляд на разлитую по ковру жидкость. В воздухе отчетливо запахло горьким миндалем, который безжалостно перебивал аромат чабреца. И в эту секунду до нее дошло: в студию за последние два часа не заходил никто. Кроме нее.

Спустя полчаса редакция «Голоса Мегалополиса», обычно погруженная в сонную ночную полудрему, напоминала расстроенный улей.

Звуки сирен скорой помощи и полицейских машин всё ещё стояли у Веры в ушах пульсирующими красно-оранжевыми зигзагами. Она сидела на жестком диванчике в коридоре, кутаясь в свой спасительный серый кардиган, и безотрывно смотрела на носки своих старых кед. Ей казалось, что если она поднимет взгляд, реальность окончательно обрушится ей на голову.

По коридору сновали люди в форме. В студии вспыхивали ослепительно-белые вспышки фотоаппарата криминалиста — они отдавались в висках Веры высоким, звенящим ультразвуком.

— Гражданка Полякова?

Вера вздрогнула. Над ней нависал плотный мужчина средних лет в помятом плаще. Его голос был цвета ржавого железа — скрипучий, царапающий, с неприятным привкусом застарелого табака.

— Да, это я, — прошептала она, пытаясь отодвинуться в самый угол дивана.

— Следователь Смирнов, Следственный комитет, — мужчина плюхнулся на диван рядом с ней, едва не придавив край

ее кардигана. Он раскрыл блокнот. — Значит, так, Вера... простите, как по бабушке? — Алексеевна. — Вера Алексеевна. Давайте начистоту. Студия закрыта. Замок электронный. Ключ-карта, как мне доложили техники, только у покойного и у вас. По камерам в коридоре видно, что за время эфира туда никто не входил. Кроме вас. Вы приносите ему чай. Через три минуты гражданин Звягинцев выпивает его и отдает богу душу. Экспресс-анализ показывает наличие в кружке сильнодействующего яда.

Голос Смирнова становился всё более ржавым и колючим, он словно опутывал Веру колючей проволокой.

— Я... я только налила кипяток, — пролепетала она, чувствуя, как к горлу подступает паника. — Чайник стоит у нас в аппаратной. Травяной сбор в пакетиках Роман приносил сам, он хранился в тумбочке. Я просто бросила пакетик, залила водой и отнесла. Я ничего туда не добавляла!

— Допустим, — хмыкнул Смирнов, и в его интонации явно проступила грязно-серая недоверчивость. — А мотив? Звягинцев, говорят, человеком был тяжелым. Обзывал вас, ни во что не ставил. Обида — сильная штука, Вера Алексеевна. У барышень тихих часто нервы сдают внезапно. Подсыпали отравы, а теперь сами испугались?

— Прекратите давить на мою сотрудницу.

Голос Максима Воронцова прозвучал над ними как раскат грома — глубокий, темно-синий, с металлическими, властными нотками. Вера подняла голову. Максим стоял присло-

нившись плечом к стене, скрестив руки на груди. Его дорогой пиджак был слегка помят, галстук ослаблен, но взгляд оставался убийственно холодным.

Смирнов недовольно поморщился, переводя взгляд на Воронцова. — А вы, простите, кто будете? — Максим Воронцов, антикризисный директор холдинга. И я настоятельно рекомендую вам, следовательно, поискать убийцу среди тех, кому смерть Звягинцева действительно была выгодна. А не идти по пути наименьшего сопротивления.

— Это по какому же такому пути? — набычился Смирнов.

— По пути обвинения первого встречного, — отрезал Максим. — Вера Алексеевна работает здесь пять лет. Если бы она хотела отравить Звягинцева из-за его хамства, она бы сделала это еще в две тысячи двадцать первом. К тому же, я был в аппаратной всё время, пока шла рекламная пауза. Я видел, как она заваривала чай. Она ни на секунду не отворачивалась от пульта и ничего не доставала из карманов.

Вера удивленно распахнула глаза. Максим лгал. Ну, или как минимум слегка лукавил. Когда она наливала кипяток в кружку, он стоял спиной к ней, изучая сетку вещания на стене. Он не мог видеть всего.

Зачем он меня защищает? — пронеслась в ее голове паническая мысль.

Смирнов тяжело поднялся с дивана, захлопнув блокнот. Звук получился глухим и резиновым. — Это мы проверим,

Максим Андреевич. Изъяты камеры, отпечатки. Но подписку о невыезде гражданке Поляковой я всё-таки оформлю. И вам, кстати, тоже. Раз уж вы там присутствовали.

Следователь грузно зашагал по коридору в сторону студии, раздавая на ходу указания экспертам.

Вера осталась сидеть на диване, чувствуя, как дрожат колени. Максим опустился на то место, где только что сидел Смирнов. От него исходил тонкий аромат дорогого парфюма с нотами кедра, и этот запах почему-то помогал дышать.

— Зачем вы это сказали? — тихо спросила Вера, не глядя на него. — Вы же не видели, как я заваривала чай. Вы смотрели на расписание.

Максим повернул к ней голову. Вблизи его глаза оказались не серыми, как ей казалось раньше, а цвета крепкого черного чая. Умные, цепкие и очень усталые.

— Потому что вы не убийца, Вера. — С чего вы взяли? Следователь вон думает иначе. У меня был доступ. И мотив... ну, Роман и правда называл меня «мышью» при всем коллективе.

— Если бы вы решили его убить, — уголок губ Максима дрогнул в едва заметной, грустной усмешке, — вы бы просто отключили ему микрофон в момент его любимого монолога. Для звукорежиссера это гораздо более изящная месть. Яд в прямом эфире — это театральщина. А вы, Вера, не любите привлекать к себе внимание.

Он был прав, и от этой пронизательности Вере стало не

по себе. Этот пижон из руководства за неделю понял про нее больше, чем коллеги за пять лет.

— Кто-то очень грамотно всё рассчитал, — продолжил Максим, понизив голос. Его темно-синий баритон стал почти бархатным. — Убийца знал расписание эфира. Знал, что чай Звягинцеву носите именно вы. И знал, что дверь блокируется. Вас просто выбрали на роль идеального козла отпущения.

Вера поежилась и глубже зарылась в кардиган. — И что теперь делать? Меня же посадят.

Максим вдруг протянул руку и осторожно, почти невесомо, коснулся ее плеча. Жест был ободряющим, но от него по телу Веры пробежали сотни крошечных золотистых искорок.

— Не посадят. Я терпеть не могу, когда ломают то, что работает, — спокойно произнес он. — И не люблю, когда обижают моих сотрудников. Мы сами выясним, кто принес этот чертов миндаль на мою радиостанцию. Собирайте вещи, Вера. Я отвезу вас домой.

Переход из душного, пропитанного запахами страха, кофе и валерьянки коридора радиостанции на улицу показался Вере прыжком в другое измерение. Июльская московская ночь встретила их спасительной прохладой и тишиной. После звенящего, бьющего по нервам ультразвука полицейских мигалок и скрипучего голоса следователя Смирнова, эта ночная тишина казалась Вере мягким пушистым пледом. У нее был цвет пепла и вкус остывшего чая.

Максим уверенно шагал к парковке, на ходу доставая ключи. Вера семенила следом, стараясь не отставать и одновременно пытаясь спрятаться в свой безразмерный кардиган целиком, как улитка в раковину.

Машина Воронцова полностью соответствовала своему владельцу — огромный, безупречно чистый черный внедорожник. Когда Максим открыл перед ней пассажирскую дверь (от чего Вера впала в легкий ступор — ей давно никто не открывал двери, обычно она сама протискивалась в вагоны метро), в нос ударил запах дорогой кожи, чистоты и едва уловимого древесного парфюма.

Вера неловко забралась на высокое сиденье, чувствуя себя грязным уличным воробьем, случайно залетевшим в императорский дворец. Она осторожно подобрала полы кардигана, чтобы, не дай бог, не испачкать сиденье своими стары-

ми кедами.

Максим сел за руль, завел мотор, который отозвался сытым, утробным рычанием, и машина плавно выкатила на пустой проспект.

Минут десять они ехали молча. Вера прижалась лбом к прохладному стеклу, наблюдая за пролетающими мимо желтыми фонарями. Напряжение последних часов начало медленно отпускать, оставляя после себя сосущую пустоту в желудке и свинцовую тяжесть в веках. Вера не спешила начинать разговор, давая себе время осознать масштаб катастрофы.

— Вы живете в Медведково, верно? — нарушил тишину Максим. Его темно-синий голос в замкнутом пространстве салона звучал еще глубже, вибрируя где-то на уровне грудной клетки.

— Да. Улица Грекова, — тихо ответила Вера. — А откуда вы знаете?

— Изучал личные дела ключевых сотрудников. Вы, Вера Алексеевна, числитесь у нас как незаменимый специалист высшей категории. Хотя зарплата у вас, прямо скажем, не соответствует статусу.

Вера покраснела. — Мне хватает. Я не люблю просить. Да и Роман... Звягинцев всегда говорил, что звукорежиссеров пруд пруди, и я должна быть благодарна, что меня держат на прайм-тайме.

Максим коротко, недобро усмехнулся. — Звягинцев был

манипулятором и, откровенно говоря, мерзавцем. Использовал вашу неуверенность в себе. Но давайте вернемся к нашему отравленному чаю. Следователь Смирнов — человек без фантазии, он вцепится в вас бульдожьей хваткой просто потому, что вы были ближе всех. Нам нужны другие подозреваемые. Кому еще Роман успел перейти дорогу за последние дни?

Вера задумалась. Если воспринимать мир через звуки, то редакция радиостанции была настоящей какофонией. И далеко не все звуки были приятными.

— Ну... вообще-то, многим, — неуверенно начала она. — Взять хотя бы Дениса Скворцова из спортивной редакции. Роман на прошлой неделе добился, чтобы программу Дениса перенесли на раннее утро, а свое шоу расширил на час. Денис был в бешенстве.

— Скворцов, — задумчиво протянул Максим, не отрывая взгляда от дороги. — Амбициозный мальчик с идеальной укладкой. И как он отреагировал?

— Он кричал на Романа в коридоре, — Вера поежилась. Голос Дениса всегда ассоциировался у нее с битым зеленым бутылочным стеклом. Острый, режущий, неприятный. Когда он кричал, эти осколки словно летели во все стороны. — Обещал, что Звягинцев еще подавится своим эфирным временем.

— Подавится. Интересный выбор слов, — заметил Воронцов. — Кто еще?

— Маргарита Львовна. Наш программный директор.

Машина слегка сбросила скорость. Максим повернул голову и бросил на Веру быстрый, оценивающий взгляд. — Марго? Они же вроде как были... близки? Слухи в холдинге распространяются быстро.

— Были, — кивнула Вера. — Но позавчера Роман привел на запись молоденькую стажерку. И при всех заявил, что у девочки большое будущее, а Маргарите пора на пенсию, потому что она, цитирую, «покрылась нафталином».

Голос программного директора Марго Вера всегда видела как тяжелый, бордовый театральный бархат. Богатый, властный, обволакивающий. Но в тот день, когда Роман унизил ее при стажерке, этот бархат с треском порвался, обнажив некрасивую, серую подкладочную ткань. Маргарита тогда ничего не сказала, просто развернулась и ушла в свой кабинет, хлопнув дверью так, что зазвенели стекла. А тихие, за-таенные обиды всегда опаснее громких скандалов.

— Где хранился чай Звягинцева? — внезапно спросил Максим, сворачивая на эстакаду.

— В общей зоне отдыха, — пожала плечами Вера. — У него там была своя именная полка. Он пил особый сбор, заказывал его где-то в аптеке. Считал, что он бережет его связки.

— Значит, доступ к коробке с пакетиками был у всей редакции, — подытожил Воронцов. — Любой мог зайти днем, пока никого нет, вскрыть один пакетик, добавить яд и запе-

чатать обратно. Вы просто взяли верхний. Идеальная схема. Никакого риска для убийцы.

От этой простой и логичной мысли Вере стало страшно. Получается, кто-то из тех, с кем она каждый день здоровалась, пила кофе и обсуждала погоду, хладнокровно приготовил смертельную ловушку? И этот кто-то прекрасно понимал, что бомба взорвется именно в руках Веры.

Внедорожник свернул в типичный спальный район. Замелькали серые панельные многоэтажки, темные двory, заставленные машинами, и редкие круглосуточные магазины со светящимися вывесками.

Максим припарковался у нужного подъезда. Двор спал. Лишь где-то вдалеке тоскливо выла собака.

Вера потянулась к ручке двери. — Спасибо, Максим Андреевич. Что подвезли. И что... там, со следователем.

— Максим. Просто Максим, — поправил он, поворачиваясь к ней. В тусклом свете салонного плафона его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах цвета крепкого чая читалось неожиданное тепло. — Послушайте меня внимательно, Вера. Завтра вы не читаете новости. Не заходите в рабочие чаты. Вы спите, пьете горячий чай — обычный черный, из супермаркета, — и приходите в себя.

— Но как же работа? — Эфиры отменены до понедельника. В здании работает следственная группа. Завтра в час дня я заеду за вами, и мы поедем обедать. Нам нужно составить полный список всех, кто заходил в зону отдыха в тече-

ние дня. И вы мне в этом поможете, потому что ваша наблюдательность меня впечатляет.

Вера сглотнула. «Заеду за вами, и мы поедем обедать». Эти слова прозвучали не как приглашение, а как констатация факта. Спорить с темно-синим, обволакивающим голосом Воронцова было абсолютно невозможно.

— Спокойной ночи, Вера, — сказал он, когда она, наконец, выбралась из машины на ночной тротуар.

— Спокойной ночи, — пробормотала она, плотнее заправившая кардиган.

Она стояла у подъезда, прижимая к груди ключи от квартиры, и смотрела вслед удаляющимся красным габаритам внедорожника. Страх перед тюрьмой и обвинениями никуда не делся, но внутри, под слоями привычной неуверенности, вдруг затеплилось крошечное, робкое чувство. Чувство, что в этой огромной и опасной Москве она больше не одна.

Утро в Медведково началось с гудения старого холодильника «Бирюса». Для Веры этот звук всегда был бледно-голубым, пушистым и немного щекочущим, как старый мохеровый шарф.

Она открыла глаза и уставилась в побеленный потолок. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотно задернутые шторы. На часах было начало одиннадцатого. Вера спала урывками, проваливаясь в тяжелые, вязкие кошмары, где по ковру студии бесконечно катилась термocupка, а из динамиков лился желто-токсичный хрип умирающего Звягинцева.

Повинуясь приказу Воронцова, она вчера не стала заходить в рабочие чаты. Но сейчас рука сама потянулась к телефону. На экране висело сорок восемь пропущенных сообщений в группе «Голос_Редакция» и три пуш-уведомления от новостных каналов.

«Скандално известный радиоведущий Роман Звягинцев скончался в прямом эфире. Полиция подозревает отравление».

Вера отбросила телефон на одеяло, словно тот был раскаленным утюгом. Сердце забило где-то в горле. Это не дурной сон. Это реальность, в которой она — главная подозреваемая с подпиской о невыезде.

Нужно было вставать. В час за ней заедет Максим. От мысли об антикризисном директоре по телу разлилось странное тепло. В мире, который внезапно оскалился на нее полицейскими протоколами и предательством коллег, этот человек с темно-синим голосом казался единственной бетонной стеной, за которой можно было укрыться.

Вера подошла к шкафу и с тоской оглядела свой гардероб. Серые свитера, мешковатые джинсы, пара безликих водолазок. Униформа невидимки. Она вздохнула, достала единственную приличную вещь — плотную белую рубашку мужского кроя, купленную когда-то на распродаже, — и темно-синие джинсы. Уложила непослушные русые волосы в тугой узел на затылке, надела очки. Из зеркала на нее смотрела бледная, испуганная девушка с огромными серыми глазами.

«Золушка, которая так и не дождалась фею», — иронично подумала Вера.

Ровно в 12:55 ее телефон коротко завибрировал. «*Я внизу. Выходите, когда будете готовы*». Никакой спешки, никакого давления.

Черный внедорожник ждал ее на том же месте. Сегодня Максим был без галстука, верхняя пуговица голубой рубашки расстегнута, пиджак небрежно брошен на заднее сиденье. При свете дня он выглядел еще более уставшим, но его взгляд оставался таким же острым.

— Добрый день, Вера, — он чуть улыбнулся, и от этой улыбки в машине запахло крепким кофе и кедром. — Как

спали? — Как на иголках, — честно призналась она, пристегивая ремень. — Куда мы едем? — В одно тихое место на проспекте Мира. Там варят отличный суп, а нам обоим нужно нормально поесть, прежде чем мы начнем копать в грязном белье нашей радиостанции.

Ресторан оказался итальянским — с приглушенным светом, кирпичными стенами и запахом базилика. Максим уверенно провел ее к угловому столику, скрытому от остального зала тяжелой портьерой. Он заказал еду быстро, не заглядывая в меню, и попросил принести ему двойной эспрессо, а Вере — большой чайник Эрл Грея.

Пока официант не принес заказ, они молчали. Вера нервно теребила край бумажной салфетки.

— Итак, — Максим открыл свой ноутбук, который принес с собой в тонком кожаном чехле. — Утром я связывался со службой безопасности холдинга. Поскольку я представляю интересы собственников, мне предоставили доступ к серверам видеонаблюдения до того, как полиция официально изъяла жесткие диски.

Вера подалась вперед. — Вы скачали записи? — Скопировал всё, что происходило в коридоре возле зоны отдыха со вчерашнего утра и до самого эфира.

Он развернул ноутбук к ней. На экране застыло черно-белое изображение узкого коридора. Справа была дверь с табличкой «Кофе-пойнт».

— Полка с чаем Звягинцева находится прямо напротив

входа, — пояснил Максим. — Любой, кто заходит в комнату, оказывается спиной к двери. Камер внутри нет — профсоюз в прошлом году добился их демонтажа, чтобы сотрудники могли «свободно отдыхать в приватной обстановке».

— Значит, мы не увидим, кто именно подсыпал яд? — упавшим голосом спросила Вера. — Не увидим. Но мы увидим всех, кто туда заходил. Я уже прогнал запись на ускоренной перемотке. С двенадцати дня до девяти вечера в комнату отдыха заходило сорок три человека. Большинство — стайками, по два-три человека, болтали у кулера и выходили. Отравить чай в присутствии свидетелей невозможно.

Официант бесшумно поставил перед ними тарелки с горячим минестроне и налил Вере чай. Аромат бергамота немного успокоил ее расшалившиеся нервы.

— Нас интересуют те, кто заходил туда один и находился внутри достаточно долго, — продолжил Максим, отпивая кофе. — Таких оказалось четверо.

Он нажал на кнопку воспроизведения.

Первый фрагмент (14:20): В коридоре появился Денис Скворцов. Спортивный ведущий нервно озирался, теребя в руках телефон. Он скрылся за дверью и вышел только через пять минут. — Осколки зеленого стекла, — тихо пробормотала Вера, вспомнив свой вчерашний образ. — Что, простите? — не понял Максим. — Ничего. Просто... он был очень зол на Романа. И он был там один.

Второй фрагмент (16:45): Маргарита Львовна. Про-

граммный директор шла тяжелым, размеренным шагом. В ее осанке читалась непреклонность. Зашла в зону отдыха, вышла через три минуты, поправляя прическу.

Третий фрагмент (18:10): Незнакомый Вере курьер в желтой куртке службы доставки. — С ним охрана уже разбирается, — махнул рукой Максим. — Приносил пиццу в коммерческий отдел, заблудился, зашел попить воды. Вряд ли наемный убийца стал бы наряжаться в яркую униформу.

Четвертый фрагмент (20:30): В коридоре появился сутулый, лысеющий мужчина в сером свитере. Он двигался бесшумно, почти скользя по линолеуму, прижимая к груди стопку картонных папок.

Вера прищурилась. — Это Аркадий Борисович. Наш архивариус. — Он пробыл в комнате почти десять минут, — заметил Максим, постукивая пальцем по столу. — Что архивариусу делать в зоне отдыха так долго перед самым закрытием смены?

Вера задумалась. Аркадий Борисович был человеком-невидимкой даже в большей степени, чем она сама. Он заведовал архивом старых записей на цокольном этаже. Его голос не имел цвета. Точнее, он был как пыльный сквозняк под дверью — серый, блеклый, без интонаций. Он никогда ни с кем не спорил, ни в ком не вызывал раздражения. Просто тень, перебирающая старые бобины и жесткие диски.

— У него диабет, — вдруг вспомнила Вера. — Он пьет чай строго по часам, с каким-то своим сахарозаменителем.

Может, просто пил чай? Но зачем убивать Романа? Звягинцев даже не знал, как Аркадия Борисовича зовут. Они не пересекались. Роман — звезда прямого эфира, а архив — это подвал.

— В этом здании, Вера, все пересекаются, — задумчиво произнес Максим, закрывая ноутбук. — Иногда самые незаметные люди хранят самые опасные тайны. Звягинцев любил копаться в чужом грязном белье ради рейтингов. Возможно, он докопался до чего-то, что лежало глубоко в архиве?

Внезапно телефон Веры, лежащий на столе, громко зазвонил, разрезав уютную тишину ресторана. На экране высветился незнакомый номер.

Вера вопросительно посмотрела на Максима. Тот кивнул. Она нажала «Ответить» и поднесла трубку к уху.

— Алло? — неуверенно произнесла она. Из динамика донесся прерывистый шепот, срывающийся на хрип. Звук был ржаво-коричневым, с привкусом меди и паники.

— Вера... Вера, это Денис. Скворцов. Слушай меня внимательно и не перебивай. Полиция у меня в кабинете. Они нашли... они нашли в моем столе пустой пузырек. Я его не покупал, Вера, клянусь! Кто-то его мне подкинул! Если Смирнов доберется до моего компьютера...

Связь резко оборвалась короткими гудками.

Вера медленно опустила телефон, чувствуя, как холодная испарина выступает на лбу. Она посмотрела на Максима, который напряженно следил за выражением ее лица. — Кажет-

ся, — тихо сказала она, — следователь Смирнов нашел своего убийцу. И это не я.

Тишина за угловым столиком ресторана внезапно стала густой и липкой, как остывающий сироп. Вера смотрела на погасший экран телефона, чувствуя, как холодный узел страха затягивается где-то под ребрами.

— Что он сказал? — голос Максима разрезал эту липкую тишину четким, ровным лезвием. Он уже отодвинул в сторону пустую кофейную чашку и подобрался, словно хищник перед прыжком.

Вера сглотнула, пытаясь унять дрожь в руках. — Денис. Он в панике. Сказал, что полиция нашла у него в столе какой-то пустой пузырек. Клялся, что ему его подкинули. И еще... он очень боялся, что следователь доберется до его рабочего компьютера. А потом связь оборвалась.

Максим нахмурился. Между его темными бровями залегла жесткая складка. — Пузырек в столе? Слишком топорно. Смирнов, конечно, вцепится в эту улику двумя руками, потому что она идеально укладывается в его прямолинейную картину мира. Мотив есть — ссора из-за эфирного времени. Орудие преступления найдено. Дело можно закрывать.

— Но почему он позвонил мне? — Вера обхватила себя руками поверх белой рубашки. — Мы с Денисом никогда особо не общались. Он всегда смотрел сквозь меня.

— Потому что вы обедали со мной, а я — начальство, —

резонно заметил Максим. — И потому что вы тоже под подозрением. Загнанный в угол человек инстинктивно ищет того, кто оказался в такой же ситуации.

Воронцов решительно придвинул к себе ноутбук и откинул крышку. Его пальцы стремительно забегали по клавиатуре. — У нас есть максимум минут десять-пятнадцать, пока айтишники Смирнова не изымут системный блок Скворцова или не отключат его от локальной сети станции. Идите сюда, Вера. Мне нужен ваш опыт.

Вера неловко встала и пересела на кожаный диванчик рядом с Максимом. Она оказалась так близко, что плечом касалась его рукава. Запах кедра, кофе и едва уловимый аромат свежeweыглаженной ткани закружились вокруг нее успокаивающим темно-синим облаком.

На экране монитора побежали строки кода — Максим подключался к серверу радиостанции через защищенный VPN-канал для руководства.

— Я могу войти в корневую систему, но я понятия не имею, как у вас организована архитектура папок, — не отрываясь от экрана, сказал он. — Где Скворцов мог хранить рабочие материалы?

— Диск «X», общая база, — Вера придвинулась ближе к экрану, почти забыв о своей неловкости. Профессиональная среда была ее стихией. — Дальше папка Sport_Redaction, потом Skvortsov_D.

Максим быстро кликал мышкой, проваливаясь в беско-

нечную кроличью нору корпоративных директорий. Папка Дениса оказалась забита файлами: сценарии программ, джинглы, звуковые отбивки, записи интервью с хоккеистами.

— Ищите папку Export или Drafts, — подсказала Вера.
— Звукари и ведущие обычно скидывают туда то, что еще в работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.